

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Я. ПЕРЕПЕЛКИН. *Частная собственность в представлении египтян Старого царства*, «Палестинский сборник», вып. 16 (79), М. — Л., 1966, 127 стр.

Рецензируемый труд крупнейшего советского египтолога представляет собой вполне законченное исследование. Вместе с тем оно является первой частью более обширного еще не изданного исследования этого же автора о производственных отношениях в Египте времени Старого царства. Вряд ли нужно распространяться о необходимости и своевременности капитальной разработки этой обширной темы. Этот труд будет первым в мировой литературе комплексным исследованием социально-экономических отношений в эпоху Старого царства, т. е. древнейшего классового общества в Египте. Поэтому оно представляет огромный принципиальный интерес для всех историков древнего Востока и вообще древнейших классовых обществ. Но не будем забегать вперед и вернемся к уже опубликованной части этого исследования, посвященной представлениям египтян о частной собственности в эпоху Старого царства.

Эта эпоха, относящаяся к III тыс. до н. э., эпоха стабилизации и первого расцвета древнейшего классового общества в долине Нила. Поэтому автор, несравненный знаток египетской филологии, опираясь в своем исследовании на полную совокупность текстологических данных, относящихся к этой эпохе. Собственно говоря, рецензируемое исследование является изысканием не о частной собственности, как социально-экономическом явлении, а филологическим изысканием, имеющем целью выяснение значения весьма распространенного в староегипетских текстах термина *ḏt*. В результате исследования раскрывается совершенно несомненно значение этого термина и устанавливается наличие понятия частной собственности, противопоставляемой собственности государственной. А это, как само собой понятно, является выводом

первостепенной важности, ибо этот вывод выбивает всякую почву из-под ног тех, кто очень упорно и долго, но безуспешно пытался доказать отсутствие частной собственности в Египте и в других странах древнего Востока. Необходимо оговориться: в этом труде имеется в виду лишь констатация существования частной собственности, но никак не исследование ее особенностей и ее социально-экономической роли в жизни страны — это вопросы, которые не затрагивались автором в рецензируемой части его труда и которые будут им рассмотрены в следующих, еще не изданных частях.

Итак, обратимся к разбору исследования термина *ḏt*. Здесь необходимо отметить, что в египетском языке прилагательные, за исключением так называемых *nisba*, по своей морфологической структуре ничем не отличаются от существительных и что это обстоятельство в значительной степени затрудняло установление значения слова. До появления в свет книги Ю. Я. Перепелкина в научной литературе существовало три толкования термина *ḏt*, не совпадавшие друг с другом.

Во-первых, термин *ḏt* отождествлялся с однозвучным по согласному составу словом *ḏt* «вечность». С этим переводом очень плохо вяжется то, что, как указывает Ю. Я. Перепелкин, слово *ḏt* используется в качестве определения таких совсем не вечных существ, как заупокойные жрецы, работники, «и вдобавок само снабжается притяжательными местоимениями» (стр. 5). Следовательно, в целом ряде случаев слово *ḏt* никак не может иметь значение «вечность» или «вечный», и уже это обстоятельство заставляет искать для него какое-то другое значение.

Согласно второй интерпретации слово *ḏt* якобы означало «выделенное имение, — в первую очередь на помин души».

Ю. Я. Перепелкин указывает, что и это предполагаемое значение приходится отвергнуть: как это показал Б. Грцзелоф, отбытие покойника из дома на кладбище оказывается «выходом из дома на запад добрый» и поэтому Б. Грцзелоф понимает слово *dt* как «частный дом, частная недвижимость» и т. п. Но это третье толкование слова *dt* также оказывается неприемлемым, потому что в текстах встречается неоднократно такое употребление слова *dt*, которое исключает понимание его, предложенное Б. Грцзелофом: например, неоднократно встречающееся в Текстах пирамид слово *dt* имеет там совершенно явное значение «плоть».

Акад. В. В. Струве предложил для частного случая употребления слова *dt*, когда оно служит не определением, а обозначением подчиненных людей, значение *sm* «тело, раб». Но если это значение превосходно подходило именно в этих случаях, то как быть с необыкновенно распространенным словосочетанием «дом *dt*», где значение «тело» или «раб» не дают удовлетворительного смысла?

Египетский египтолог Бакир, автор монографии о рабстве в древнем Египте, интерпретирует термин *dt* в применении к зависимым людям приблизительно так же как В. В. Струве, т. е. *sm* — это «тело», «собственный», «раб».

Таким образом, общепринятого, проверенного и основанного на фактах толкования термина *dt* в научной литературе до сих пор не существовало.

Поэтому автор заканчивает первую главу своего труда, в которой он излагает состояние проблемы, следующими словами: «При явном расхождении ученых во мнениях остается только изучить вопрос сполна и сначала, — с учетом, по мере возможности, всей совокупности данных и доискиваясь основных значений слова. С них последовательно будет и начать изучение, а проследить их развитие удобно будет по надписям, пользующимся *dt* в самых различных смыслах...» (стр. 7).

Надо сказать, что автор блестяще решил задачу, поставленную им перед собой. Прежде всего следует особо подчеркнуть, что автор использовал все опубликованные и хранящиеся в советских собраниях тексты времени Старого царства, т. е. его исследование в смысле богатства материала и строгости его подбора полностью соответствует известному требованию В. И. Ленина: «...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»¹.

Труд Ю. Я. Перепелкина в общей лексикологической литературе является ред-

ким исключением: исследованию значения одного слова посвящено 11 печатных листов! На этих 11 листах рассматриваются и подвергаются строгой критическому анализу не отдельные, хотя бы и очень многочисленные, примеры употребления слова *dt*, а именно совокупность всех мест в староегипетских текстах, где оно встречается. Полноте исследования сопутствует необычайная строгость и скрупулезность палеографического и филологического анализа текстов, в чем легко убедиться, читая это замечательное исследование. Здесь необходимо очень коротко остановиться на некоторых вопросах египетской филологии. В египетском языке существовало служебное (не знаменательное) прилагательное *n(j)*, которое мы можем назвать *nota genitivi*. Говоря о падеже, мы подразумеваем не морфологически оформленный падеж, а падеж аналитический, в данном случае нечто вроде предложной группы. Таким образом, *n(j) dt* означает «...относящийся к *dt*» или «...от *dt*»; Ю. Я. Перепелкин тщательно анализирует значение не только самостоятельного употребленного слова *dt*, но и выражение *n(j) dt*, где бы оно ни встречалось.

Ю. Я. Перепелкину принадлежит честь расшифровки загадочного выражения *n dt dt*, которое в большом Берлинском словаре переведено «ewiglich» (том V, стр. 506). Ю. Я. Перепелкин обратил внимание на то, что оба *dt*, стоящие рядом друг с другом, систематически различаются своей орфографией, и показал, что первое *dt* является именно тем *dt*, которому посвящено его исследование, а второй *dt* является, действительно, словом «вечность». Забегая вперед, укажем, что выражение *n dt dt* значит «на самую вечность», «на самое вечность» (стр. 11). Необходимо отметить, что здесь *n* — не *nota genitivi*, а предлог *n*.

Все тексты, в которых встречается слово *dt*, автор разделяет на две группы: 1) Тексты пирамид; 2) прочие надписи.

В главе второй, в которой исследуется употребление слова *dt* в Текстах пирамид, автор устанавливает значение слова как «плоть», «самость». Автор указывает, что даже самые, казалось бы, убедительные примеры употребления в пирамидах слова «плоть» для выражения кровного родства при проверке оказываются только частными случаями передачи с помощью «плоти» понятий «сам» или «собственный» (стр. 37).

Далее рассматривается употребление слова в определениях (определения к обозначениям родства; определения к обозначениям служащих; определения к обозначениям подневольных людей; определения к обозначениям скота; определения к обозначениям земель; определения к обозначениям селений; определения к обозначениям построек; определения к обозначениям имущества вообще).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 350—351.

Говоря о значении *dt* после тщательного анализа множества примеров употребления слова в определениях к обозначениям родства, Ю. Я. Перепелкин пишет: «значение „собственный“ как нельзя лучше подходит и к прочим сочетаниям *dt* с обозначениями родства: „брат собственный“, „сестра собственная“, „дети собственные“, „дочь собственная“» (стр. 37).

Такое же именно значение имеет слово *dt* везде, где оно встречается в определениях к обозначениям служащих, разных подневольных людей и всякого рода имущества.

Относительно значения *dt* в определениях всякого рода подневольных людей надо подчеркнуть, что *dt* выражает только «собственный» и ничего больше: слово вовсе не означает какой-либо определенный вид подневольных людей и, следовательно, не имеет, как и русское слово «собственный», никакой социальной окраски. Это положение ярко иллюстрируется примерами, разбираемыми автором. Так, в одном тексте вполне определенно сказано: «купленники собственные, которых я достал за вознаграждение...». Здесь совершенно явно речь идет о купленных невольниках. В других же случаях *dt* является определением слова *mt* «челядь», собирательного термина для обозначения подневольных производителей, рабами не являющихся (стр. 41).

В определениях, относящихся к обозначениям разного рода имущества, *dt* опять-таки значит «собственный».

Затем автор исследует значение слова не в определениях, а в самостоятельном употреблении, что встречается значительно реже. Здесь мы встречаемся с загадками, которые на первый взгляд кажутся непреодолимыми, но которые наш автор мастерски разъяснил. В ряде случаев слово *dt* предшествует титулам и званиям различных чиновных лиц и, следовательно, их определением служить не может, ибо определение следует за определяемым. «Что же значило *dt*, употребленное как звание перед именем того или иного лица?», — спрашивает себя автор (стр. 62) и показывает, что лица, титулы и звания которых следовали после слова *dt*, не были ни рабами, ни крепостными, а либо высокопоставленными людьми, либо чиновниками (стр. 62—63). Отсюда вывод: «следовательно, *dt* не есть обозначение для подневольных людей и ходячий перевод этого слова несостоятелен. Тем самым отпадает и всякая возможность сопоставления *dt* „плоть“ в приложении к людям с греческим словоупотреблением *σῶμα* „тело“, „раб“» (стр. 63).

Тщательный анализ всех текстов, в которых слово *dt* предшествует титулам и званиям саковых лиц, приводит автора к следующему заключению: в некоторых случаях налицо написание *n(j) dt*, а не просто *dt*; самостоятельное написание *t* перед титулами и званиями

является просто сокращением *n(j) dt*. Но это не что иное, как субстантивированное слово *dt* «собственный», за которым и следуют титулы и звания «собственного». Перед *dt* стоит имя высокопоставленного лица, которому «принадлежал» «собственный». Автор подчеркивает, что «почти всегда такое самостоятельное *dt* служит для обозначения отдельного человека и выражает определенного рода отношение его к лицу, стоящему выше его по своему общественному положению» (стр. 57). Во всех этих случаях *dt* выражает только такие приблизительно отношения, какие передают русские выражения «собственный адъютант», «собственный заместитель», «собственный секретарь», ни подразумевающим ни в малейшей степени какой-либо зависимости или подчинения, характерных для раба или крепостного или даже любого другого трудящегося.

Далее автор переходит к исследованию словоупотребления сочетания *pr dt* «дом собственный», которое встречается не только в текстах Старого царства, но и во все периоды истории Египта и которому Большой берлинский словарь дает значение «гробница» или «заупокойное имение» (т. I, стр. 514), т. е. значение явно ошибочное. Сочетание *pr dt* чрезвычайно распространено, и это вполне естественно и закономерно, поскольку под «домом» подразумевалось «имение», и *pr dt* означало «имение собственное». Этот термин постоянно употребляется в определениях разного рода служащих, работников и т. д., имеющих непосредственное отношение к хозяйственной деятельности. Исследование автора и в этом вопросе строго терминологическое, но попутно с этой линией исследования как бы автоматически появляются чрезвычайно интересные частные выводы социально-экономического порядка. Например, выражение «плсцы дома *dt*» значит «плсцы дома собственного». Часто также употребление определения «дом *dt*» к обозначениям подневольных людей, занятых в частном хозяйстве вельмож. Особенно много таких определений после слова *ist*, что значит «(рабочая) дружина». Как подчеркивает, основываясь на текстах, автор, «дружины собственного дома или личного хозяйства князя четко противопоставлены государственной рабочей силе, используемой им, в силу своего положения во главе области, в своих нуждах в страдную пору, когда не хватало собственных рабочих рук» (стр. 84). Вообще работниками «дома собственного» были птичеловы, пастухи, мясники, судостроительные мастера, каменотесы, прачечники и т. д. (стр. 86—87). Таким образом, «дом собственный» вельмож представлял собой большое, многогранное частное хозяйство, противопоставлявшееся государственному хозяйству. Из текстов, цитированных Ю. Я. Перепел-

киным, с безусловной очевидностью становится ясным, что вельможи, находившиеся на государственной службе и управлявшие государственным имуществом, нередко владели своим собственным, частным имуществом, отнюдь не смешивавшимся с государственным и противопоставлявшимся последнему. Всем этим большим частным хозяйством ведала ḥt «управа», состоявшая из нескольких лиц, в том числе писцов, и представлявшая собой как бы коллективного управляющего хозяйством вельможи и выполнявшая его предначертания (стр. 87).

Многочисленные надписи вельмож, досконально изученные Ю. Я. Перепелкиным, позволяют составить довольно точное представление о том, что представляло собой владение, именуемое «домом собственным». «Дом собственный» был совокупностью нескольких «городцов» — этим древним русским словом² Ю. Я. Перепелкин очень удачно назвал то, что означает египетский термин niwt . Именно городцы и были основными хозяйственными единицами вельможных владений, — указывает автор (стр. 88). Территории, окружавшие городец, использовались для разных сельскохозяйственных культур — льна, ячменя, полбы и т. д. По многочисленным изображениям к текстам, их сопровождающим, можно восстановить жизнь той бесконечно далекой от нас эпохи. Здесь мы видим и пахоту, и сбор урожая, и другие самые разнообразные сельскохозяйственные работы. Осмотр всего этого производится либо лично самим хозяином «дома собственного», либо его «управой». Как подчеркивает Ю. Я. Перепелкин, ссылаясь на ряд текстов, очень существенно для определения понятия «дом собственный» то обстоятельство, что городцы и дворы (были и такие) «дома собственного» могли быть расположены в разных частях страны, например, и в Верхнем, и в Нижнем Египте: об этом тексты в ряде случаев говорят совершенно определенно (стр. 92).

Из предшествующего изложения ясно, что «дом собственный» был крупным и многогранным частным аграрным хозяйством вельможи: здесь и производство зерна, и скотоводство, и птицеводство, и охота, и рыболовство, и т. д. Это частное хозяйство противопоставлялось четко и недвусмысленно хозяйству государственному.

В конце своего исследования автор подводит итоги. Это итоги лексикологические (ибо и самое исследование в своей основе является лексикологическим), а не социально-экономические. Ю. Я. Перепелкин приходит к следующим выво-

дам: 1) ḥt — не заупокойное пмение; 2) ḥt — вообще не земельная собственность; 3) ḥt — противоположен государственному; 4) сущность значения ḥt является «собственный» (стр. 121).

Исключительная значимость исследования Ю. Я. Перепелкина заключается в том, что термин ḥt , столь часто встречающийся в текстах Старого царства и до появления в свет труда Ю. Я. Перепелкина интерпретировавшийся произвольно и по-разному, во всех этих случаях неправильно, получил точное и определенное значение. Никаких решительно сомнений в выводах Ю. Я. Перепелкина быть не может по той простой причине, что установление автором значения ḥt «собственный», безусловно подходит ко всем текстам, где оно встречается. Таким образом, оно, это значение «собственный», отлично соответствует всем без исключения, весьма и весьма многочисленным контекстам. Показав, как от значений «плоть» и «самость» ḥt становится общественно осмысленным термином «собственный», автор пишет: «почувствовать все это в какой-то мере по-русски можно, если сопоставить старинное слово „соб“ с производным от него словом — старинным „собиный“ и более современным „собственный“» (стр. 121). Ю. Я. Перепелкин оказал науке огромную услугу: стало совершенно ясно, можно сказать бесспорно ясно значение всех тех контекстов, где встречается термин ḥt . Этим самым положен конец всем блужданиям и ошибкам, основанным на ошибочных интерпретациях термина ḥt , и, как неизбежное следствие, всем ошибочным спекуляциям в области социально-экономических отношений Старого царства, так или иначе связанным с неправильным пониманием ḥt .

Вместе с тем в труде Ю. Я. Перепелкина содержится и ряд социально-экономических выводов, очень и очень ценных сами по себе. Таковы, например, выводы о противоположении частного и государственного, о том, что такое «дом собственный» и т. д. И здесь уместно высказать следующее соображение: термин «собственный» как определение имущества (не людей!) имеет определенный, ясный смысл: так, «дом собственный» можно довольно точно передать русским «имение собственное». Совершенно ясно, что это именно «собственная» собственность, не вникая в социально-экономическую и правовую специфику той эпохи. Ну, а что значит «шпес собственный», («рабочая» дружина собственная, и т. д.? Значит ли это, что эти лица были «собственностью» своих хозяев, что они были рабами или крепостными? Сам по себе термин ḥt ответа на этот вопрос не дает и, конечно, дать не может. Для этого нужно комплексное и столь же детальное и глубокое исследование всех источников времени Старого царства, содержащих хоть какие-

² «Городец» — «м. городок, крепостца, укрепленное тыном местечко, селение» — Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 381.

либо данные о социально-экономической структуре. Такое исследование Ю. Я. Перепелкиным завершено и появление его в свет будет большим событием в отечественной и зарубежной науке. В ожидании этого издания нельзя не выразить глубоко-

кую признательность Юрию Яковлевичу Перепелкину за его блестящее, талантливое исследование, которому посвящена настоящая рецензия.

М. А. Коростовцев

В. В. ПАВЛОВ. *Египетский портрет I—IV веков*, Изд-во «Искусство», М., 1967, 87 стр., 82 табл., тираж 10 000 экз., цена 2 руб. 50 к.

Восточный эллинизм в искусстве, в его преломлении на почве Египта — такова ведущая тема новой книги В. В. Павлова «Египетский портрет I—IV веков». Привлеченный автором материал в своей основе известен в кругу специалистов, в малой мере — широкому читателю, но свежесть его восприятия для тех и других определяется эмоциональностью характеристик и постановкой интересных идей. Одна из них сформулирована автором уже в Предисловии: «Задача заключается в изучении самобытных и специфических особенностей каждой из тех культур, которые рождались и развивались в тесной исторической взаимосвязи с великой эллинистической культурой. Ведь лучи античного искусства по-разному отражались на каждой из многочисленных культур Переднего Востока и проникали на разный уровень глубины».

Важную черту исследования В. В. Павлова составляет комплексное рассмотрение им египетского портрета: не один лишь живописный (так называемый фаянсовый) портрет, не портретные гипсовые маски, взятые сами по себе, но те и другие, плюс изображения на тканях, на геммах. Это позволило автору показать общность египетского портрета, черты единого стиля, несмотря на разницу технических приемов работы в том или другом материале, на разницу изобразительных средств и на достигнутый при этом иной эстетический эффект.

Разумеется, утверждение о самобытности прозвучало бы декларативно, если бы не было подкреплено вескими доказательствами. Раскрытие местной специфики портретного искусства Египта начинается с первых страниц книги, где автор рассматривает расписные гипсовые маски первых веков н. э. Здесь показано, что пробраз этих масок восходит к древне-египетским традициям, связанным с заупокойным культом, — к расписным футлярам мумий, самые ранние из которых относятся еще к IV тыс. до н. э. Декоративность приемов при портретном соответствии облика и монументальность самого художественного образа оп-

ределяют ведущие черты их стиля. К ним то в прямой преемственности и восходят через тысячелетия расписные саркофаги Египта эллинистически-римской эпохи. Другой источник масок эллинистически-римского Египта усматривается в «запасных головах» гизехского некрополя, являвших портрет усопшего (а в религиозных представлениях тех времен — его двойник), гипсовый отлив которого затем проходит переработку в камне. И, наконец, следующей по времени вехой развития автор намечает маски из мастерской Тутмеса в Тель-Амарне, в лучших своих образцах представляющие не просто слепки, но в большей или меньшей мере переработанные модели, в которые мастерами вносились творческие коррективы и добавления.

Обращаясь к маскам эпохи включения Египта в состав Римской империи, В. В. Павлов привлекает круг памятников времени Адриана и Антонинов, отмечая, что «подобные маски, конечно, заказывали как эллинизированные и египтизированные римляне, взявшие обычай мумификации в Египте, так и египтяне, заимствовавшие этот портретный тип из римской портретной пластики» (стр. 17). Но далее он подчеркивает, что «Египетский художник по-своему трактует образ», полагая, что не следует преувеличивать влияние на египетскую художественную культуру обычаев и искусства Рима. Египетские мастера остаются верны своим традициям, сохраняя характер ритуального портрета, в котором в противовес патетическому драматизму римских портретов II в. н. э. «справдывая передача сходства сочетается с чисто декоративным пониманием формы» (стр. 17). С течением времени в портретных масках декоративность все более завладевает художественной формой, а ператизм и символика — их содержанием. К III в. все более нарастают схематизм и условность изображения — процесс этот уже отмечался исследователями, причем А. С. Стрелков ставил его в связь с развитием христианства. В. В. Павлов путем анализа самих памятников последовательно и убедительно раскрывает путь от пластических

и очень эллинизированных образов к произведениям иного стиля, предвещающего художественные тенденции средневековья.

Почти треть текста книги В. В. Павлова занимает раздел «История науки о фаюмских портретах». Изложение его в рецензии вряд ли необходимо. Отметим лишь, что это не только зеркало широкой авторской эрудиции, но превосходный критический этюд. Отдавая дань уважения заслугам своих предшественников и соратников, излагая их концепции, последовательно раскрывая при этом ход познания предмета и развития идей, В. В. Павлов в то же время показывает свое к ним отношение — иногда положительное, порой восхищенное, нередко критическое. Особенно высокая оценка дается деятельности В. С. Голенищева как собирателя-ученого, чье собрание фаюмских портретов «отличается полнотой отбора, разнообразием стилей и художественной манеры письма, отражая объективную картину развития этого вида позднеегипетской живописи» (стр. 26); подчеркиваются блестящие мысли Г. Масперо, чья научная интуиция в сочетании с огромными познаниями на столетия предвосхитила многие воззрения на этот предмет в современной науке; детально излагается существо превосходной монографии А. С. Стрелкова «Фаюмский портрет», в которой помимо публикации собрания ГМИИ содержится глубокое исследование проблемы.

Анализ самого фаюмского портрета, которому посвящен третий раздел книги, дается в его историческом развитии на протяжении трех веков. Говоря об эволюции этого портрета, автор доказывает неправомерность расстановки дошедших до нас портретов в хронологическом ряду «от лучшего к худшему», но показывает сосуществование пластически-реальных и схематически-условных образов, причем последние с течением времени начинают преобладать. Причина этого не в поглощении, так сказать, эллинизма варварством, но в изменении художественного мировоззрения, как предвостыния надвигающегося средневековья. В этой связи уместно поставить вопрос: действительно ли на эти тенденции стиля фаюмского портрета оказало влияние развитие христианства? Думается, что это был независимый процесс. Нет оснований считать мумифицированных и погребенных по языческому обряду людей, образы которых донесли нам фаюмские портреты, приверженцами христианства. А между тем в них налицо нарастающая с I по IV в. эволюция стиля в направлении ко все большей условности, но вместе с тем и глубокой «духовности» образов. По-видимому, как идеология нового вероучения — христианства — знаменовала зарождение в недрах

античного общества иной социальной системы, так и в сфере искусства шло формирование новых, порывающих с античным реализмом тенденций, которые служили косвенным отражением тех же глубинных социальных сдвигов.

В. В. Павлов останавливается на художественной технике фаюмских портретов, которые делятся на выполненные энкаустикой, восковой темперой и просто темперой, анализируя эстетический эффект, достигаемый при работе в том или другом материале. В появлении этих живописных приемов (особенно энкаустики) и их разработке заключалась одна из тех драгоценных технических находок, которые позволили по-новому подойти к самому художественному выражению идей в портретном жанре, присущих именно эллинистическому Востоку. Сохраняя внутреннюю связь с древнеегипетской живописью, фаюмский портрет существенно от нее отличен. Там была лишь живопись цветных силуэтов, в то время как античный Египет уже вырабатывает чисто живописное, порой почти пластическое истолкование форм. Ясность красочного письма и скульптурность лепки лиц особенно впечатляющи в ранней группе фаюмских портретов. Портреты эти и наиболее реалистичны — в смысле передачи не только чисто внешнего подобия, но и тонко уловленных черт характера и внутренней духовной жизни. Существо последней эволюции, может быть, как раз и сводится к стремлению выделить это духовное начало путем отказа от изображения индивидуальности лица поретрагируемого. Понесенные при этом художественные утраты оказались весьма значительными — проникновенный реализм ранних портретов сменяет в портретах более поздних (но не во всех) отвлеченность образа, скульптурную точность письма — условный, графически-плоскостный стиль. Но именно в этом русле позднеантичной живописи Египта и Сирии лежали, как показал в свое время еще Б. Д. Айялов, истоки византийского искусства.

Книгу В. В. Павлова иллюстрирует превосходно подобранный цикл таблиц (их 82), в значительной части цветных, что так важно в труде по живописи; их миниатюрные повторения на полях текста помогают читателю сразу ориентироваться, о каком из памятников идет речь. Сам подбор памятников, почерпнутых из лучших мировых собраний, дает представление о разнообразии манер и эволюции стиля египетского портрета I—IV вв. Исполненные на венгерской полиграфической базе, иллюстрации ярки и выразительны, хотя следует признать, что передача цвета иногда неточна — так, ядовито-зеленые тона в табл. 29, 31, 52 явно не соответствуют подлиннику. Но в целом книга «Египетский портрет I—IV вв.» сделана со вкусом, в чем за-